

Воспоминания из каторги и ссылки, изредка кое-какие документы, стихи. Тем не менее оба сборника читаются не без интереса, а некоторые статьи, как статья *П. Климущкина* об амнистии в Александровском центре в 1917 г., *Билибина* — об Орловском центре, *В. Плескова* «Памятные дни» (все из 1-го сборника), а также *Коткина* «16 дней» (голодовки) из № 2-го — читаются даже с волнующим интересом, несмотря на то, что наши нервы под влиянием гражданской войны притупились в достаточной степени.

Особый, выдающийся интерес по своему бытовому и психологическому значению представляет очерк Г. Сандомирского «На последней ступени». Здесь, если не ошибаюсь, впервые в нашей обширной тюремной литературе мы заглядываем в мир тюремных «падших»: в камеры «укрывающихся», или, на арестантском языке, «лягавых», т.-е. предателей и доносчиков, совершавших свои черные деяния «на воле» или уже в самой тюрьме, и из боязни мести укрывающихся под покровительством начальства в особые камеры. Здесь мы, действительно, находимся «на последней ступени» человеческого падения...

Можно пожелать редакции сборников в дальнейших выпусках более строго подбирать материал, а также расширить программу включением в нее всей вообще жизни политических тюрем и ссылки. От этого сборники станут живее и разнообразнее.

Б. Горев.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ. По неизданным документам составил Александр Блок. — Изд. „Алконост“. Петербург, 1921. Стр. 168.

Книжка А. Блока едва ли рассчитана на читателя серьезного и критически настроенного. Это — журнальная статья, написанная для «Былого» наспех, материал подобран без достаточной полноты: многие части изложения требуют дополнений, — и применять к последнему серьезную критическую мерку, конечно, нельзя. Книжку приходится рассматривать, как своего рода занятый материал

для чтения о моменте, история которого еще не изучена достаточно полно и не поддается простому описанию без анализа и суровой критики. Определенного плана нет, но интересные подробности есть. Имеются некоторые детали для характеристик, но характеристики лиц или целого эпизода нет. Вся книжка разделяется на четыре раздела. *Первый* — под заголовком «Состояние власти» (стр. 7—22), в котором автор, останавливаясь на группе лиц с А. Д. Протопоповым во главе, очень преувеличивает роль последнего. Во *втором* разделе — «Настроение общества и события накануне переворота» (стр. 23—50) — значительную цену и большой интерес представляют выдержки из докладов с.-петербургского охранного отделения, и их надо было, нисколько не стесняясь, привести целиком. Кто вообще знаком с докладами московского и петербургского охранных отделений за время 1914—1916 годов, тот ясно может представить себе всю цену этого первоисточника, правда, требующего жестокого критического анализа, но в значительной степени ничем незаменимого. Наиболее крупный по своим размерам раздел *третий* — «Переворот» (стр. 50—113), начинающийся 22-м февраля и отличающийся наибольшим обилием выдержек из документов, к сожалению, не поддающихся по некоторым признакам (напр., стр. 57) констатированию в абсолютной точности их передачи. *Четвертый* раздел (стр. 114—166) составляют приложения, вне всякого сомнения, очень любопытные, но до известной степени обесцененные тем, что автор лишил их определенности, не сообщив при каждом отдельном документе его местонахождение. Будь даны на этот счет точные сведения и будь расширены некоторые выдержки, книжка в значительной степени выиграла бы, сделавшись, можно сказать, незаменимым источником. Заканчивается книжка как-то странно, неожиданно... как будто выпущена в свет без надлежащего окончания... Сказав, что бывший император «был заключен в Царскосельском Александровском дворце», автор после заключительной точки помещает адресованный на имя Николая II документ, который не датирован и неизвестно

откуда взят, даже неизвестно, от кого исходит... и неизвестно, для чего приведен.

Работа, вероятно, осталась незаконченной и в предисловии издатели должны были это точно оговорить.

Проф. В. Н. Сторожев.

Проф. Ю. В. ЛОМОНОСОВ. Воспоминания от мартовской революции 1917 г. Стокгольм-Берлин. Издат-во не обозначено. 1921 г. Стр. 86.

Воспоминания Ю. В. Ломоносова кратки. Они охватывают лишь одну неделю — с 28 февраля, когда он, не подозревая значительности разворачивавшихся событий, готовил у себя дома в Царском очередную лекцию для Политехнического Института — по 6 марта, день сдачи А. А. Бубликовым, правой рукой которого был Ломоносов в эти дни, министерства путей сообщения «революционному министру» Некрасову. Но краткость не мешает быть им интересными и значительными, так как Ломоносов рассказывает о первых днях внутренней работы в захваченном путейском ведомстве, о торопливом овладении мозгом и всей нервной системой транспорта. Имеются в его воспоминаниях интересные эпизоды, связанные с передвижениями царского поезда, с движением на Петербург «георгиевских» эшелонов генерала Иванова, различных пертурбаций с документом об отречении, подписанным царем, попавшим в руки Ломоносова. Имеется также много любопытных деталей, живых и ценных зарисовок, случайных встреч с тогдашними «героями» дня, вождями кадетской партии. Верно подмечена растерянность и смущение их, очень живо запечатлена вообще кинематографическая, стремительная, нервная напряженность первых дней переворота. Историк, без сомнения, использует эту небольшую книжку, иллюстрированную несколькими сфотографированными документами.

Воздав должное содержанию воспоминаний, мы хотим сказать пару слов по поводу самого издания. Оно анонимно — имени издателей нет. Это было бы с пол-

беды, но к книжке вслед за великолепным портретом автора предпослано вступление «вместо предисловия» от имени этих самых анонимных издателей. И с анонимностью предисловия, пожалуй, можно было бы примириться, если бы оно не было написано в тонах самого неумеренного, «по-американски» развязного панегирика. Если издатели хотели оказать услугу автору воспоминаний, они оказали ему услугу не блестящую, так как их предисловия нельзя читать не поморщившись.

Такой же характер американской рекламы имеет и второе предисловие, предпосланное воспоминаниям, также анонимное (подписано: «коммунист»). Статейка этого анонимного коммуниста говорит о детальной осведомленности в событиях жизни Ломоносова не только в турецком периоде его жизни, когда, как можно предположить, анонимный коммунист работал вместе с Ломоносовым, но и в период американский, непосредственно предшествовавший революции. И так как рассказ свой анонимный автор сопровождает чрезвычайно точными хронологическими датами (приведен, так сказать, полный формулярный список трудов и заслуг проф. Ломоносова), то кажется временами, будто этот «коммунист» потому не захотел открыть своего имени, что писал статью под диктовку профессора Ломоносова, любезно поделившегося с ним весьма точным знанием своей собственной биографии. Оба «американских» предисловия на автора этих строк произвели неприятное впечатление. Возможно, конечно, что это дело вкуса, и смогут найти читатели которых этот именно «американский» прием и восхитит. Ну что ж. В таком случае автор этих строк навлечет на себя упрек в неумеренном пристрастии к элементарным требованиям литературной этики.

Вяч. Полонский.

А. КОЛЛОНТАЙ. Из моей жизни и работы. Всеукр. Госиздат. Одесса — 21 г. 55 стр.

Одесский губженотдел просил т. Коллонтай написать свою автобиографию, считая, что она может характеризовать